

Столичный экзамен, длившийся три этапа и девять дней, наконец завершился. Стоило им вернуться домой, как появился Управляющий Лу. Он явно подгадал время, когда Тан Шэнь освободится, но Тан Шэнь, лишь взглянув на него, махнул рукой:

— Приходи завтра.

Управляющий Лу с беспомощной улыбкой ответил:

— Хорошо, как скажет молодой хозяин.

На следующий день Тан Шэнь проспал до полудня. Он с аппетитом ел лепешки по-шэнцзински, купленные Фэнби, и запивал их густой кашей, когда в дверь постучал и вошел Управляющий Лу. Поклонившись Тан Шэню, он произнес:

— Молодой хозяин, получилось! Позавчера, пока вы еще сдавали экзамен, ко мне пришел Управляющий Син из Терема Цяньли. Он с порога заявил, что знает, будто я управляющий Терема Сися из управы Гусу, а затем стал обиняками расспрашивать, не планируем ли мы сотрудничать с Павильоном Хуатанцю для продажи мыла и Хуанцзинью!

Услышав это, Тан Шэнь тут же поставил пиалу:

— Он знает, что ты управляющий Терема Сися?

— И не говорите! Я ведь еще два месяца назад передал ему подарочный набор с Хуанцзинью и с тех пор недоумевал. Молодой хозяин, мы ведь так ясно дали понять, что хотим работать с Павильоном Хуатанцю, а этот Управляющий Син вид делал, будто никакого подарка не получал и вообще ничего не понимает. И только теперь до меня дошло: да вовсе он не не понимал, а просто тайком разузнал, кто я такой, и лишь после этого пришел к нам!

Тан Шэнь усмехнулся:

— Человек, способный превратить Терем Цяньли и Павильон Хуатанцю в первые заведения Шэнцзина, разумеется, непрост. О чем вы с ним договорились?

Управляющий Лу подробно изложил предварительные договоренности с Управляющим Сином и добавил:

— ...По-моему, тут никаких проблем нет, условия Управляющий Син предложил весьма щедрые. Однако окончательные детали нам, двум управляющим, решать не с руки. Управляющий Син хочет, чтобы вы встретились с истинным хозяином Терема Цяньли и всё обсудили лично.

Тан Шэнь удивился:

— Князь Чжао Ао?

Управляющий Лу ответил:

— Наследник княжества Цзин, Чжао Цюн.

В голове Тан Шэня мелькнул знакомый образ, и он согласно кивнул:

— Хорошо, разумеется, надо встретиться.

Автор хотел бы сказать:

Соседский Старый Ван: «Снова день без моего участия?»

Маленький Тан: «Чего тебе надо-то, какую еще роль?»

«Чтобы взор утешить далью, поднимаются на ярус выше».

Терем Цяньли находился в западной части города Шэнцзин. Поднявшись на четвертый этаж, можно было вдаль увидеть бесконечную гладь Великого канала, вьющегося, словно серебряная лента. На второй день после окончания столичного экзамена Тан Шэнь вместе с Управляющим Лу прибыл в Терем Цяньли, где их уже давно ждал Управляющий Син с круглой, сияющей добродушием физиономией.

Управляющий Син оглядел Тан Шэня с ног до головы и с улыбкой молвил:

— Не думал, что молодой господин столь юн. Настоящий молодой талант!

Тан Шэнь слегка поклонился:

— Управляющий Син.

Управляющий Син произнес:

— Наш наследник еще не прибыл, прошу молодого господина пройти в отдельный кабинет и немного отдохнуть.

Все трое поднялись наверх. Тан Шэнь вошел в кабинет, а Управляющий Син и Управляющий Лу остались ждать снаружи.

Едва ступив за порог, он увидел ширму с изображением тысячи гор. Слева стояли стеллажи с сокровищами, где в изобилии покоились разнообразные драгоценности и антиквариат. Справа располагались две закрытые створки окон. Тан Шэнь распахнул их — и перед ним во всей красе развернулась панорама Шэнцзина: шум экипажей, оживленные улицы и проспекты.

«Взойдя на эту башню, ощущаешь радость в душе и покой в сердце; держа чашу с вином навстречу ветру, преисполняешься ликования!»

Глядя на роскошные, словно из золота сотканые виды Шэнцзина, Тан Шэнь неожиданно постиг истинную суть этих строк Фань Чжунъяня.

— Отлично сказано: «радость в душе» и «держа чашу навстречу ветру». Но коль так, как же обойтись без вина?

Тан Шэнь спешно обернулся. В комнату вошел Наследник княжества Цзин Чжао Цюн, облаченный в парчовый халат и нефритовый венец. Их взгляды встретились. Чжао Цюн замер на месте, изумленно разглядывая его, а мгновение спустя с удивлением воскликнул:

— Так это ты!

Тан Шэнь сложил руки в приветственном поклоне:

— Приветствую наследника княжества Цзин.

Стоило чуток поразмыслить, как подоплека этого дела стала очевидна. Чжао Цюн тут же понял: Тан Шэнь еще тогда передал прошение в Поместье княжества Цзин и явился на пир в честь Цзеюаня вовсе не случайно. Впрочем, к подобным мелочам он относился легко. Напротив, узнать, что за торговлей мылом стоит образованный человек со ученым званием, было для него приятной неожиданностью.

Чжао Цюн окликнул Управляющего Сина:

— Подавай блюда.

— Слушаюсь, — ответил Управляющий Син.

Чжао Цюн вновь повернулся к Тан Шэню:

— Вчера как раз закончился столичный экзамен. Господин Тан ходил?

Тан Шэнь с улыбкой ответил:

— Разумеется.

— Замечательно! В таком случае сегодня не будем касаться вульгарных медяков, а поговорим лишь о поэзии и праздных радостях. Отложим дела до объявления результатов, согласны?

Тан Шэнь и сам не рассчитывал заключить сделку по мылу и эфирным маслам с первой же встречи. Напротив, такие слова Чжао Цюна свидетельствовали о его искреннем намерении сотрудничать. Если после столичного экзамена Тан Шэнь станет цзиньши, отношение Чжао Цюна станет еще благосклоннее. Обсуждать партнерство при таких обстоятельствах было бы чрезвычайно выгодно Тан Шэню да и полезно для самого Чжао Цюна.

Так они и провели время в приятной беседе за вином.

Тан Шэнь был еще юн и пил совсем немного, да и Чжао Цюн не стал его принуждать.

Спустя час они уже общались как добрые приятели. Выходя из кабинета, Тан Шэнь обернулся и поклонился Чжао Цюну:

— Наследнику не стоит провожать меня.

Чжао Цюн отозвался:

— Что ж, когда вывесят Абrikосовый список, я как следует отпраздную этот день вместе с Цзинцзэ.

Отойдя от Терема Цяньли вместе с Управляющим Лу, тот с некоторой растерянностью произнес:

— Я-то думал, этот наследник княжества Цзин — императорский сородич, с которым трудно найти общий язык. Не ожидал, что он окажется настолько прост в общении и без малейшей спеси.

Тан Шэнь же вспомнил кое-что другое и с улыбкой спросил:

— Управляющий Лу, как думаешь, ради чего Поместье княжества Цзин держит Терем Цяньли и Павильон Хуатанцю?

Управляющий Лу ответил:

— Знати да императорской родне в Шэнцзине полагаются загородные усадьбы и промыслы, так что ведение дел для Поместья княжества Цзин — дело вполне обычное. Разве тут есть что-то странное?

— Все верно, странного ничего нет, однако Поместье княжества Цзин торгует лишь изысканными кушаньями, вином да драгоценными камнями. Князь Цзин — лишь знатный, купающийся в роскоши вельможа, не имеющий реальной власти. А вот те дела, где действительно можно сорвать огромный куш — к примеру, прошлогодняя починка русла Великого канала, где любой чиновник, запустивший руку, выручал десятки тысяч лянов чистого серебра, — ему не под силу!

Подобные государственные проекты вроде ремонта речного русла нередко служили для знати и высокопоставленных сановников важным источником обогащения.

И речь шла вовсе не о прямом казнокрадстве или взятках: закупка каждого строительного материала, выбор штата и управы, через которые пройдет Великий канал, — во всем этом кроется целая наука. Заработать прибыль можно абсолютно законно, даже не прибегая к воровству, и хотя суммы получатся меньше, чем при казнокрадстве, куш всё равно выходит солидный.

Князь Цзин сумел открыть в Шэнцзине крупнейший терем-ресторан и величайшую ювелирную лавку, но не имел возможности вмешаться ни в единое государственное дело. Очевидно, что он был лишь богатым вельможей с титулом, но без власти.

Некоторые в таких условиях ожесточаются и портятся, другие же искренне предаются наслаждениям и ни о чем не жалеют.

Поразмыслив, Тан Шэнь решил, что наследник княжества Цзин не выглядит затаившим обиду. Как-никак, ныне царствующий государь прекрасно соблюдал видимость благополучия, и никто не мог назвать его дурным правителем — разве что правителем, увлекающимся даосским самосовершенствованием и мечтающим о бессмертии. С давних времен государей, желавших обрести вечную жизнь, было пруд пруди, и Чжао Фу среди них вполне сошел бы за мудрого правителя.

Император не притеснял своих братьев, а Князь Цзин был только рад жить в покое.

Что же до всех подковерных интриг и тайн императорского дома, то нынешнему Тан Шэню о них знать не полагалось.

Управляющий Лу спросил:

— Молодой хозяин, а когда же объявят результаты столичного экзамена? Неужто, как и на провинциальном экзамене, дней через десять?

Тан Шэнь невольно расхохотался и с вздохом ответил:

— Если бы всё было так просто!

Столичный экзамен — последний и самый тяжелый рубеж Государственных экзаменов. Пройдя его, кандидат уже гарантированно сдавал экзамены и больше не мог провалиться; оставалось лишь дожидаться дворцового экзамена, где определялся итоговый ранг цзиньши. Даже если

сдашь дворцовый экзамен хуже всех, окажешься разве что на самом последнем месте.

Именно из-за невероятной важности столичного экзамена, помимо запечатывания имен кандидатов, каждая работа переписывалась набело переписчиками, и экзаменаторам на проверку отправлялась именно копия.

Более десяти тысяч работ ученых мужей со всей империи нанятые образованные люди переписывали три полных дня, и то не факт, что успевали.

По правде говоря, Тан Шэнь ещё приуменьшил. Столичный экзамен завершился в середине второго месяца, но лишь двадцать седьмого числа второго месяца проверяющие чиновники получили работы на руки. Имена кандидатов были спрятаны, а почерк принадлежал не им: все работы были переписаны каллиграфическим стилем Гуаньгэти. Экзаменаторы сначала вознесли молитвы и совершили обряд в честь Святого Конфуция, после чего заперлись в главном зале для совместной проверки.

Лишь через пять дней тридцать экзаменаторов сумели отобрать десять лучших работ столичного экзамена.

<http://bllate.org/book/18292/1754517>